

ЕВА
МИР



ВЛАДЫКА ДРАКОНОВ

ПОД ЗАЩИТОЙ ТЁМНОГО

Ева Мир

Владыка драконов.

Под защитой тёмного

<https://litres.ru/74205237>

Аннотация

♥# Я заразилась скверной, спасая свой народ, и за это меня приговорили к смерти.

Все отвернулись от бывшей уважаемой дочери канцлера с феноменально сильным даром целительства.

Светлые моментально списали меня со счетов.

Даже мои родители.

Даже жених...

Но стоя на плахе, я увидела в небе чёрные крылья Владыки Тёмной Державы...

— Вы тоже пришли насладиться зрелищем? — спросила я, расправив плечи.

— Я пришёл забрать свою новую подданную, — усмехнулся тот, кого я всю жизнь считала чудовищем.

#ВластныйГерой

Книга - участник литмоба "Под крылом дракона"

Содержание

Глава 47. Серебряная принцесса	4
Глава 1. Первая встреча с Владыкой Доминиона	11
Глава 2. Тёмный и служанка	18
Визуал	28
Визуал - 1	29
Глава 48. Селестина	30
Глава 3. Помолвка	39
Глава 4. Научу	44
Глава 5. Клятва	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 47. Серебряная принцесса

Проснулась я от того, что в комнате было слишком тихо. И слишком светло.

Но это не был тот ослепляющий, беспощадный свет, какой встречается в Соларии. Это было мягкое, сиреневое свечение утра Ноктхейма, пробивающееся сквозь тяжелые бархатные шторы.

Я попыталась пошевелиться, и тело тут же отозвалось сладкой тягучей болью. Память о прошлой ночи обрушилась на меня лавиной: жар кожи Люциана, его губы на моих бедрах и то невероятное чувство наполненности, от которого до сих пор краснели щёки.

Я повернула голову. Его не было рядом. Постель с его стороны уже остыла, но подушка всё ещё хранила его аромат — терпкий, как ночной лес перед бурей.

— Проснулась, Светлячок? — его голос донесся из глубины комнаты.

Люциан стоял у окна, в тени, заложив руки за спину. Он сделал шаг вперёд, и его силуэт на фоне неба показался мне вырезанным из обсидиана. Я села на постели, прижимая шёлковые простыни к груди. Шёлк, который всё ещё пах нашей ночью.

— У меня есть вопрос, — сказала я и испугалась хрипотцы в своём голосе.

Люциан усмехнулся.

— Что-то подсказывает мне, что ты не спросишь о том, как мне спалось.

— Ты ведь знал, да? — спросила я неожиданно твердо. — Тогда, у моста. Когда ты позволил Габриэлю забрать меня. Ты знал, что они со мной сделают. Ты всё это спланировал?

В его глазах не было раскаяния — только холодная, расчетливая честность правителя.

— А как еще мне надо было заставить светлую целительницу наконец открыть глаза? — он подошел к кровати, возвышаясь надо мной. — Если бы я просто забрал тебя силой, ты бы всю жизнь считала меня похитителем, а Габриэля — своим спасителем. Мне нужно было, чтобы ты сама увидела правду.

Я сглотнула, вспоминая ту купель с солью.

— Это подло, Люциан, — я посмотрела на него, чувствуя, как внутри ворочается обида, смешанная с восхищением его жестокой логикой.

— А я Владыка Доминиона, — он едва заметно улыбнулся, присаживаясь на край рядом со мной. — Разве все светлые не считают темных злом в чистом виде? Я лишь оправдал твои ожидания.

— Я больше не светлая.

Да... это правда.

Я подняла руку. В полумраке спальни серебристое свечение под кожей было отчетливым, пульсирующим. Оно каза-

лось живым серебром, текущим вместо крови.

Люциан перехватил моё запястье, внимательно вглядываясь в сияние. Его взгляд стал иным — в нем больше не было насмешки, только глубокий, почти благоговейный интерес.

— Будто надежду расплавили и пустили по твоему телу, — сказал он, медленно проводя кончиками пальцев по моей коже.

— Ты знаешь, что это? — спросила я, стараясь не показывать то, как я напугана.

Он поцеловал мою руку.

Легко.

Еле касаясь.

— Я читал об этом в одной из древних книг нашей академической библиотеки, — негромко произнес он.

— О чем ты читал? — я замерла.

— Есть такая легенда. О “Серебряной Принцессе”, — Люциан осторожно потянул меня на себя, заставляя приподняться с постели. — Древний миф Доминиона. Говорили, что когда-то, на заре времен, свет и тьма не были врагами. Они жили в союзе. И серебро это никого не обжигало, как солнце, и не поглощало, как бездна.

Он подхватил меня на руки и направился к тяжелым дверям, ведущим в купальню.

— Говорили, что Серебряная Принцесса вернется, когда мир окончательно погрязнет в лицемерии, — продолжал он, пока мы входили в огромное помещение, выложенное чер-

ным мрамором. Пар поднимался над водой, в которой плавали лепестки розовых ночных лилий. — И что она станет единственным мостом между мирами.

— Ты знаешь, какие у меня любимые цветы, — сказала я.

— Это было несложно выяснить.

Люциан медленно поставил меня на ноги и снял простынь, которую я всё ещё удерживала.

— Не поздновато стесняться? — спросил негромко.

Я закусила губу.

А он медленно осматривал меня.

Я сдержалась и не стала прикрываться.

Он прав, стесняться уже поздно.

Я набралась смелости и потянула за шнурок его рубашки.

Люциан улыбнулся и стащил её с себя через голову.

Какой же он красивый.

Я тоже стала его рассматривать.

Но когда он начал снимать брюки, не выдержала и сбежала в воду.

Люциан присоединился ко мне, притянул меня ближе, подался вперед, окончательно лишая меня пространства для вдоха. Его близость ощущалась как предгрозово́й воздух.

— Твои жрецы учили тебя, что плоть — это тюрьма, Селестина? — его голос превратился в низкий рокот, вибрирующий где-то у меня в солнечном сплетении. — Они лгали. Это храм.

Его язык, влажный и горячий, медленно прошелся по

изгибу моей шеи, оставляя за собой обжигающий след. Я невольно запрокинула голову, подставляясь под эту пугающую и одновременно желанную ласку.

— И я намерен войти в него.

Там, за стенами Чёрного Шпиля, я была лишь инструментом, сосудом для чужой боли. Здесь, под его тяжелым взглядом, я всё ещё исследовала, кто на самом деле такая Селестина.

Серебряная принцесса?

Даже если и так.

Я вскрикнула, когда его зубы слегка, на грани боли, прихватили чувствительную кожу у основания горла, а затем он тут же залечил эту “рану” мягким поцелуем. Мои пальцы сами собой зарылись в его густые темные волосы, притягивая ближе.

Люциан спустился ниже. Его губы, требовательные и властные, прижались к ложбинке между ключицами, а затем он поцеловал мою грудь.

Я почувствовала, как внутри меня, глубоко внутри что-то волновалось.

Это не был золотой свет моей прежней магии. Это было что-то иное — прохладное, сияющее, как лунная дорожка на воде. Серебро. Оно откликалось на его Тьму, тянулось к ней, как изголодавшееся растение к солнцу. Снова.

Никогда к этому не привыкну!..

Движения Люциана были неспешными, почти ленивыми,

лишенными той ярости, что была ночью.

— Значит, я — мост? — прошептала я, чувствуя, как его руки скользят по моей спине под водой.

— Ты — моя корона, — выдохнул он, целуя меня в висок.
— И горе тому, кто попытается её снять.

Сладкий глубокий поцелуй прервал неспешное течение моих мыслей, заставил погрузиться в негу.

Лучшее утро из всех, что у меня были.

Люциан брал меня медленно, смакуя каждое мгновение, пока он шептал мне на ухо отрывки древних легенд. Вода плескалась о края бассейна, серебро и тьма снова танцевали свой танец, пока мы окончательно не растворились друг в друге.

— Я не понимаю, как это всё работает, — прошептала я.

— Что именно?

— Свет, тьма, скверна, бездна... серебро.

— А надо ли разбираться? — спросил он.

И я подумала, возможно он прав. Возможно надо только довериться миру и своему сердцу, а не препарировать мир по логическим правилам.

Когда Люциан приподнял меня над водой, заставляя обвить его бедра ногами, серебряное сияние под моей кожей вспыхнуло с новой силой. Оно больше не было пугающим — оно пульсировало в такт его движениям, переплетаясь с иссиня-черными тенями, которые лениво скользили по моей талии. Казалось, сама магия Доминиона празднует наше

слияние.

В этот миг мир сузился до горячего дыхания на моей шее, до плеска воды и того невозможного, острого чувства, что я наконец-то нахожусь именно там, где должна быть.

— Ты моя... — прорычал он, и этот звук отозвался вибрацией во всём моём теле.

И именно в этот момент, когда реальность начала рассыпаться на тысячи серебряных искр, тяжелые створки дверей, ведущих в купальню, с грохотом распахнулись...

 Кто же их прервал?))

Глава 1. Первая встреча с Владыкой Доминиона

Мы шли по тайному ходу замка “Сияние”.

Узко. Пыльно. Темно.

А у меня, между прочим белое платье!

— Габриэль, мне это не нравится, давай вернёмся в зал, скоро начнётся торжество, а мне теперь придётся ещё раз переодеться, — сказала я, ступая за своим женихом.

— Сэл, не будь такой правильной, давай добавим в нашу жизнь немного авантюры.

В этот момент я плечом зацепилась за торчащую пустую подставку для факела, и больно пробороздила ей по коже.

— Ай! — взвизгнула, останавливаясь.

Габриэль тут же затормозил и помог выпутаться.

Рукав немного сполз с плеча.

— Больно? — сочувственно спросил он и потёр оголённую кожу.

Вот сразу видно, что в целительстве Габриэль не смыслит. Кто же лезет грязными пальцами прямо в рану? Ещё и больно трогает ссадину...

Я осторожно высвободилась из его рук и поправила рукав, заметив жадный взгляд Габриэля на откровенном выреze моего платья — мама настояла на таком.

— Может, достаточно авантюры на сегодня? — спросила я ласково в ответ, деликатно прикрывая вырез перчаткой.

Жена должна быть ласковой с мужем. Меня этому с детства учили. Мы пока ещё не женаты, конечно, но сегодня состоится наша помолвка...

— Мы почти пришли!

Он радостно толкнул одну из картин, пропуская нас двоих в гостевую комнату в северном крыле.

Я вздохнула и улыбнувшись шагнула за Габриэлем, только вот улыбка быстро слетела с моего лица.

— Спальня, — испуганно сказала я и дёрнулась обратно в пыльный и тёмный тайных ход.

— Тише, — он удержал меня за плечи. — Селестина, мы с тобой почти женаты, доверься мне.

Я сглотнула.

Мама говорила, что Габриэль может захотеть чего-то подобного до первой брачной ночи. И что я должна поддаться ему, потому что он — мой будущий муж.

Я тогда уверенно заявила, что мой Габриэль не такой. Он совсем не такой! Он меня уважает и...

— Ну же, Сэл, иди сюда, — он вытянул меня на свет.

— Мы не можем находиться наедине в спальне, — сказала я, обхватывая себя за локти.

— Значит, в узком безлюдном коридоре ты со мной согласна находишься наедине, а в комфортабельной комнате с кроватью уже нет? — беззлобно спросил он, подначивая ме-

ня.

В общем-то он прав конечно... В сущности между тайным ходом и спальней разница только в кровати и отсутствии пыли... Да и мама уверяла, что своему мужчине женщина должна давать разные поблажки.

— Ты сказал, что подготовил сюрприз, — тут же напомнила я.

Разберёмся с этим и дело с концом! Быстро вернусь в свою комнату и переоденусь.

— Да, — сказал он и подошёл ближе.

— Габриэль, что ты...

Он рукой скользнул по моей талии, резво прижимая меня к себе.

Поцелуй был мокрый, напористый и такой жадный, что я опешила!

Мы и раньше целовались с Габриэлем, но сейчас всё было хуже, чем раньше.

Не понимаю, что люди находят в поцелуях! Решительно не понимаю! Я читала эти романы про принцессу и конюха и всё такое, мама дала мне целую стопку такой литературы в образовательных целях.

Но ни разу я не чувствовала того же, что героини этих романов.

А сейчас об удовольствии и подавно не было и речи!

Габриэль словно с цепи сорвался. Его язык начал хозяйничать у меня во рту, а правая рука вдруг стала задирать юб-

ки!

— Габриэль, нет! — сказала я резко, когда он всё-таки отстранился от меня и начал слюнявить мою шею.

— Сэл, да повзрослей ты уже! — вдруг рявкнул на меня он. — Ты моя будущая жена! Тебе мать не объясняла, что жена должна ублажать мужа?

Таким злым я Габриэля ещё никогда не видела!

Я дочь канцлера. Обладательница феноменального светлого дара.

Уважаемая леди.

С детства со мной обращаются, как со статуэткой из тончайшего мариэнского стекла!

На меня НИКОГДА не повышали голос.

Даже папа! Даже когда злился!

И сейчас этот напор от Габриэля я просто не способна была переварить!

Несколько секунд я удивлённо хлопала глазами, пытаюсь удержать слёзы внутри.

— Прости, — выдохнул Габриэль, поняв, что переборщил. — Порой я забываю, что ты совсем невинный цветочек.

Он погладил меня по щеке, успокаивая.

— А... а ты? — спросила я удивлённо.

— Я... я разумеется тоже, — смущённо ответил он. — Но я мужчина, Сэл, мне нужно это. Понимаешь?

Я неуверенно кивнула.

— Вот что мы сделаем. Я сниму с тебя платье...

— Нет, — я испуганно замотала головой. — Нет, Габриэл, только не это. Всё, что угодно, только не это!

— Хорошо, — с непонятным мне удовольствием сказал он. — Тогда я только приспущу его с твоей груди...

И он без спроса потянул завязки на моём корсете, затянутом тремя служанками!

Я в страхе ахнула и схватилась за корсет.

— Нет, я не хочу раздеваться!

— Я всего лишь посмотрю на тебя, Сэл, — начал он уговаривать меня. — Хочу увидеть, какая ты.

Я снова замотала головой.

— Ладно, — с притворным недовольством ответил он. — Тогда разденусь я, и ты будешь на меня смотреть.

У меня от страха тряслись руки. Всё тряслось.

Зачем мне на него смотреть? Я этого в упор не понимала, но это было лучше, чем раздеваться самой!

— Хорошо, — быстро сказала я.

Габриэль предвкушающе улыбнулся.

— Тебе нужно встать на колени, — сказал он.

— Ч-что?

У меня кажется язык отнялся.

— Встань на колени, Сэл, — повторил Габриэль и, сделав мне подсечку одним из своих рыцарских приёмов, мягко опустил меня на пол.

— Вот так.

Я тяжело дышала и не понимала, чего он от меня хочет, и

зачем, мне вставать на колени!

А потом он встал передо мной и взялся за пояс своих штанов.

Я зажмурилась и вся сжалась, впервые в жизни стоя на коленях на ковре перед своим женихом. Перед своим любимым Габриэлем, с которым должна буду провести вместе всю жизнь!..

Это просто ритуал — успокаивала я себя. Просто ритуал, к которому меня забыли подготовить.

Я же всегда знала, что мы поженимся. Так почему мне сейчас так горько?

— Открой глаза, Сэл, — сказал он нетерпеливо. — Посмотри на него.

Меня трясло от ужаса, неужели он пригласил сюда кого-то ещё!

Я открыла глаза и мгновенно пожалела об этом.

Это было хуже, чем я представляла.

Я думала, что он снимет с себя рубашку... Всевышний, как же я ошибалась!

Габриэль как раз и остался ТОЛЬКО в рубашке, под нижним краем которой топорщился его... ну его вот этот инструмент, о котором с таким воодушевлением пишут в книжках.

Я сглотнула и постаралась не кривиться, а улыбнуться жениху. Потому что так меня учили: держать лицо, не устраивать сцен, не “позорить” семью.

— П-приятно познакомиться.

— Вот так, да! — Габриэль вдруг подошёл чуть ближе.
Не отпрянуть, не отпрянуть!

Я показала все чудеса выдержки, на которые только была способна, и удержалась на месте, хотя всё во мне рвалось назад.

О Всевышний, помоги мне это пережить!

— Сэл, помнишь, как я целовал тебя сегодня? — спросил он нетерпеливо.

— Д-да.

И к сожалению, я ещё не скоро это забуду!

— И мой язык толкался в твой рот, помнишь?

Голос Габриэля изменился до неузнаваемости. Стал хриплым, будто у него лихорадка!

— Д-да, — ответила я, в упор не понимая, куда он клонит.

Но когда он подошёл ещё на шаг, я всё поняла.

— Н-нет, Габриэль!

О Святая Богиня, он же не хочет, чтобы я...

Он хотел.

Он именно этого хотел!..

Святая Богиня, помоги!

В этот момент входная дверь резко отворилась, и я встрети-
лась взглядом с чёрноглазым незнакомцем...

Глава 2. Тёмный и служанка

О Всевышний, это же не со мной происходит, да?

Высокий незнакомец был одет в чёрный мундир, который сидел на нём безупречно. Так, как на Габриэле никогда не сидела даже парадная мантия.

Да это же тёмный!

Должно быть Габриэль перепутал спальни и завёл меня в ту, что предназначалась для наших “гостей”!

И как бы я ни боялась тёмных и ни презирала их... этот незнакомец прервал самый унижительный миг моей жизни.

Несмотря на дичайший стыд, который теперь прожигал меня насквозь, я была ему невероятно благодарна.

И видимо он прочитал это в моём взгляде, потому что тут же усмехнулся.

Я опустила глаза в пол.

Худшего стыда я не испытывала никогда.

Никогда.

Ни-ког-да!

Я попыталась выпрямиться, но колени будто приросли к ковру.

Габриэль дёрнулся к мужчине.

Тот же шёл прямо ко мне.

Никакой суеты, никаких извинений, никакого “простите, что помешал”.

— Милорд... это... — Габриэль закашлялся и поспешно прикрылся полой рубашки, будто это могло вернуть ему достоинство. Мне достоинство. — Это недоразумение.

— Разумеется, — сказал вошедший ровно и присел рядом со мной на колени.

Он взял меня за подбородок и приподнял моё лицо, вынуждая встретиться с ним взглядом.

Глаза у него были чёрные. Не просто карие, а такие, в которых будто пряталась ночь.

Интересно, у всех тёмных такой взгляд?

— Дышите, — сказал он тихо. — Вот так. Медленно.

Голос низкий, спокойный. В нём не было ни смущения, ни злости. Только холодная заинтересованность — как у человека, который уже всё понял и теперь решает, что с этим делать.

Я судорожно втянула воздух. Второй вдох дался чуть легче.

— Умница, — произнёс он властно, и от этой похвалы внутри меня прокатились странные ощущения...

Я попыталась встать, но получилось не сразу. Он придержал меня за локоть, помогая подняться.

Сзади раздался сиплый голос Габриэля:

— Милорд... это недоразумение. Мы... мы...

— Разумеется, — повторил незнакомец тем же ровным тоном и даже не обернулся, он не отводил взгляда от меня.

Но краем глаза я видела, как в комнату вошёл кто-то ещё.

— На девушку не смотреть, — сказал незнакомец.

И двое других тёмных вдруг шагнули к Габриэлю, который тут же замолчал, будто набрал в рот воды.

— Кто вы? — спросил тёмный, всё ещё удерживая меня за локоть.

Впрочем, я тоже одной рукой вцепилась в его предплечье, а второй удерживала сползающий корсет.

Кто я?

Я открыла рот, чтобы представиться по этикету, но не смогла выговорить ни звука.

Имя “Селестина Люмерис” застряло в горле комом.

Я вдруг отчётливо поняла, произнеси я его — и не смогу больше скрыть то, что здесь произошло.

Эти люди не знают меня в лицо. Нас ещё не успели представить друг другу. А может и не представят вовсе, если они просто из свиты этого Тёмного Владыки, что прибыл в Соларию на подписание мирного договора.

Он чуть прищурился. Оглядел моё грязное после прогулки по тайным ходам платье с дырой на плече.

— Вы его служанка?

Я чуть не поперхнулась воздухом.

Он принял меня за... служанку?

Потому что в гостевой спальне. Потому что одна. Потому что без свиты.

Может, и хорошо! На помолвке я всё равно буду под вуалью. И он никогда не узнает, что застал в этом унижении

Селестину Люмерис — дочь канцлера Соларии.

Не сложишь так обстоятельства, я бы обязательно возмутилась.

Но сейчас мне хватило ума кивнуть.

— Понятно, — сказал он, получив подтверждение своим выводам.

Потом наконец повернулся к Габриэлю.

Доброжелательное выражение лица исчезло, как ни бывало.

— Вы находитесь на этаже, предназначенном для Доминиона, — произнёс он сухо. — Трахайте своих шлюх в других комнатах, сир.

Габриэль тоже хотел возмутиться, но поймал мой выразительный взгляд.

— Приношу глубочайшие извинения, — выдохнул Габриэль, хватаясь за этикет как утопающий за верёвку. — Мы сейчас же уйдём...

Незнакомец чуть наклонил голову и посмотрел на двух других тёмных.

Короткий обмен взглядами, и они вдруг схватили Габриэля под руки, уволаскивая к двери только его, а я...

А я осталась с этим страшным тёмным и его пронзительным взглядом. В спальне. Наедине.

— Милорд! — Габриэль рванулся, но хватка мужчин была достаточно крепкой, чтобы паладин святой инквизиции Соларии не смог вырваться. — Сэл! Скажи им!..

Я похолодела от ужаса.

Дверь закрылась на последнем слове.

Тишина резко окутала комнату, будто кто-то опустил занавес.

Я стояла, прижимая ладони к корсету, и боялась пошевелиться — потому что любое движение могло выдать, насколько меня трясёт.

Отпустила его предплечье.

— Завязки, — сказал он, кивая на корсет. — Справитесь?

— Да, — слишком быстро ответила я. — Благодарю, милорд.

Он усмехнулся. Коротко, так, будто ему понравилась моя попытка удержать лицо.

Мои руки тряслись, я судорожно начала затягивать шнурки на спине, но они путались в пальцах, как будто им тоже было стыдно за всё, что случилось здесь минуту назад.

— Вам помочь, пресветлая? — насмешливо спросил мужчина, вольготно усевшись в кресле и наблюдая за мной.

Я дёрнула подбородком.

— Нет, благодарю, — учтиво ответила, но на книксен сил у меня не хватило.

Позор. Если об этом кто-нибудь узнает, моя репутация будет уничтожена.

И я не знаю, что из всего происходящего хуже!

То, что мой жених пытался принудить меня к близости до свадьбы, да ещё и такой извращённой близости. Или что нас

при этом застали гости светлого двора, приехавшие впервые за полвека на подписание важнейшего в мире договора!

Я в спальне с тёмным! В развязанном корсете, который никак не хочет собираться обратно. Скверна! Как я могла оказаться в такой ситуации?

Он всё же подошёл ко мне, резко развернул, поставив к себе спиной.

Взял одну мою ладонь и уложил её на столбик кровати, затем вторую, и толкнул меня вперёд, заставив прогнуться в спине.

Я возмущённо выдохнула воздух из лёгких, но когда почувствовала его бёдра сзади моих, вообще дышать перестала!

— Не дёргайтесь, — сказал он ровно.

И я уже хотела громко заявить, что я дочь канцлера, что у меня сегодня помолвка, что это всё невероятно недопустимо!

Но вдруг почувствовала, как тёмный подтянул мой корсет выше и резко затянул первое перекрестие шнуровки.

Хорошо, что я не вымолвила ни слова.

Только диву давалась, как ловко он затягивал меня. Три моих служанки не могли добиться такого результата!

Без лишних прикосновений.

Без того, что сделал Габриэль.

У меня даже сердцебиение успокоилось!

Когда он закончил и завязал последний шнурок, я выпря-

милась, но оборачиваться не решалась.

Вдруг он наклонился к моему уху, снова разгоняя моё сердце до невероятных скоростей.

— Я с радостью расшнурую его заново, милая светлая, — прошептал он. — Только скажите.

У меня рот открылся от паники и возмущения.

Я резко развернулась.

— Благодарю за помощь, милорд. Мне пора!

Я метнулась к двери, но он схватил меня за запястье.

— Если кто-то обидит вас снова, сожмите её как следует, я прилечу и заберу вас, — сказал он с усмешкой и вложил мне в ладонь монету.

— Спасибо, меня никто не обижает, милорд.

— Правда? — произнёс он так, будто я только что заявила, что солнце в Соларии не светит. — А мне показалось, вы не хотели быть зрителем его маленького... представления.

Если бы можно было стать ещё более красной, я бы стала. Я сжала монету в руке.

Единственное, что я смогла вымолвить:

— Буду также благодарна вам, если этот инцидент останется между нами.

— Вы безупречно воспитаны, — лениво протянул он. — Даже в такой щепитильной ситуации сохраняете лицо.

Я заставила себя поднять подбородок.

— Я выросла при дворе, милорд. Здесь принято держать лицо.

Скверна, да уж. Здесь так же принято держать корсет зашнурованным!

— Забавно, — продолжил он. — В Соларии даже прислуга разговаривает так, будто читает протокол Дворца Короны.

— Меня учили... быть полезной, милорд.

— Полезной, — повторил он, и уголок его губ дрогнул. — Вот как это теперь называется.

Я почувствовала, как в теле снова поднимается жар. Злость, унижение, обида. Бессильные эмоции.

— Я не понимаю, о чём вы.

Тёмный шагнул ближе.

— Конечно, — мягко сказал он. — Вы в Соларии вообще многое “не понимаете”, когда вам так удобнее.

Тёмный молча снял с себя плащ и положил его мне на плечи — одним движением, без прикосновений. Как будто он не собирался меня утешать. Просто закрыл то, что в эту минуту не должно было быть видно никому.

— Наденьте капюшон, когда будете убегать, — приказал он спокойно.

Он сделал шаг назад, а у меня в лёгких наконец-то появился воздух.

— Это благородно с вашей стороны, — сказала я, присев в поклоне.

Хотела добавить, что он повёл себя совсем не как тёмный, но разумеется не стала. И уже двинулась к выходу, как услышала:

— В Доминионе женщина становится на колени только по собственной воле, — произнёс он негромко.

В его словах сквозило презрение, будто он этим хотел унижить мою страну, в которой приключилось это — то, что он застал.

— Не представляю, зачем это вообще нужно женщинам, — вдруг вырвалось у меня.

Он расхохотался.

Громко. Заливисто.

Я обернулась.

— Если тебе снова предложат “просто посмотреть”, помни, что можно просто сказать “нет”. Без книксена. Это даже у вас разрешено.

Его голос так и сочился сарказмом.

Я сжала губы, и вместо парадного выхода из спальни отправилась к тайному ходу.

— Не хочу быть вам должной, милорд, — последнее слово я тоже сказала с сарказмом. — Вот вам моя благодарность.

Я толкнула картину, открылся проход в тайный коридор.

— В этой комнате лучше ночевать с кинжалом под подушкой.

Он задумчиво посмотрел на меня, а я же кивнула ему и юркнула в темноту потайных ходов замка “Сияние”.

Мне надо было срочно пробраться в свою комнату и подготовиться к помолвке...

...в целесообразности которой я впервые в жизни засо-

мне в а л а с ь .

Визуал

А вот и наш Тёмный Владыка во дворце “Сияние”

Дорогие читатели!

Добро пожаловать в историю Селестины и Люция.

Если вам понравилось начало, не забудьте поставить книге звёздочку и подписаться на автора)

Обнимаю!

Визуал - 1

Наша безупречная Селестина Люмерис.

Воспитанная леди, благочестивая молодая женщина, знатная дама, дочь канцлера, привыкшая держать лицо даже, когда хочется кричать.

Её светлый дар феноменален! Она лечит, вытягивая болезнь пациента и растворяя её в своём Свете.

Селестина готова терпеть и жертвовать собой ради семьи, короны и “правильного” мира.

Пока однажды этот правильный мир не требует от неё невозможного...

Глава 48. Селестина

— Селестина, ты должна немедленно... — голос Ашары, звонкий и властный, оборвался на полуслове, повиснув в купальне.

Я с громким “ох” прижалась ближе к Люциану.

Мир замер.

— Ашар-р-р-ра! — прорычал Люциан.

Ашара подскочила на месте.

— О, Владыка! — сказала она, пятясь к двери. — Я думала, вы уже на Совете!

Я с удивлением обнаружила, что вся окутана тенями. Оказывается, Люциан позаботился о моей наготе.

— Было не заперто!

— Иди, Ашара, — бросил он, даже не глядя на дверь. — Я буду через пять минут.

Она крутанулась на каблуках, направляясь к выходу.

— Я подожду снаружи!

Дверь захлопнулась с веселым стуком.

Я не выдержала и расхохоталась. В этом была вся суть Доминиона — здесь даже в самые интимные моменты жизнь была ключом.

— Лорды должно быть скоро начнут жрать друг друга в ожидании вас! — с лёгким укором донеслось из-за дверей.

— Передай им, что на десерт я съем того, кто громче всех возмущался.

Люциан уткнулся лбом в моё плечо, и я почувствовала, как он беззвучно смеется.

— В этом замке совершенно невозможно сохранить личную жизнь, — проворчал он, но в его голосе не было злости.

Я обняла его за шею, глядя на свои сияющие руки.

Люциан запечатлел на моих губах короткий, но властный поцелуй.

— Ашара покажет тебе то, что ты должна увидеть. Не бойся ничего, Светлячок. В Доминионе тебя никто не тронет. Теперь ты под защитой не только закона, но и моего пламени.

Вот реальность и ворвалась в моё счастье.

Фаворитка, защищённая законом?

Весь мой внутренний огонь моментально погас.

Фаворитка.

Это слово обожгло горло.

Люциан вышел из воды.

Тени, по его негласному приказу, облепили мое тело, превращаясь в некое подобие плотного шелка, скрывая наготу, но не скрывая очертаний.

— Мне пора, — коротко бросил он.

Никаких “мы поговорим об этом позже”. Никаких обещаний.

Верно. Правильно.

Это жёнам что-то объясняют.

А со шлюхами обращаются именно так.

“Мне пора”

Он просто набросил на себя тяжелый черный халат, расшитый золотыми нитями, и направился к потайной двери, которую я раньше не замечала. На пороге он обернулся, его взгляд на секунду задержался на моем лице, но он лишь повторил:

— Слушай Ашару. Она поможет. И если что зови меня.

Он указал пальцем на своё запястье.

Дверь за ним закрылась с глухим щелчком.

Я осталась стоять посреди купальни, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного понимания. Вот она, реальность, которая всегда наступает после сказки.

Я думала, что меня ждёт долгая помолвка, венчание в Храме, законный статус жены. А вышло, что вышло. Я была просто “Светлячком”, которого забрали с плахи. Игрушкой Владыки, которой он позволил греть свою постель.

В светлых землях таких женщин презирали. Их держали в дальних комнатах, о них не говорили вслух, их имена вычеркивали из родословных. Я, дочь канцлера, Селестина Люмерис, теперь просто... сожительница темного дракона? Защищенная его законом, но не его именем?

Я вышла из воды, чувствуя, как серебристое свечение под кожей кажется мне теперь клеймом. Позором, который нельзя смыть.

— Чего застыла? — Ашара вошла в купальню, неся в ру-

ках охапку одежды.

Она бросила на скамью платье. Оно было темно-серым, почти стальным, из тяжелого шелка, расшитого серебром. Красивое. Дорогое. Но для меня оно теперь выглядело как униформа “особой служанки”.

Я сжала зубы.

Если судьба распорядилась так, что я стала “позором”, я не буду сидеть и ждать милости. В Соларии я была инструментом в руках отца и Габриэля. В Доминионе я не стану инструментом Люциана. Не смотря на то, что я кажется его лю... рано говорить об этом.

В общем.

Если я фаворитка, то я буду фавориткой, которую они запомнят.

Я взяла платье со скамьи.

— Пойдем, — сказала чётко, расправляя плечи. — Показывай свой Доминион.

Ашара хмыкнула.

Платье оказалось открытым. Но не слишком. Должно быть, Ашара с прошлого раза поняла, что мне не по душе слишком сильная откровенность.

Что оно открывало, так это руки.

И серебро под моей кожей будто специально красовалось, демонстрируя себя во всей красе.

И хорошо.

Пусть люди сразу видят, кто я.

Ашара подошла ближе, помогая мне заправить выбившийся локон. Её пальцы коснулись моего плеча, и она чуть прищурилась, глядя на то, как серебряные всполохи под моей кожей мгновенно отозвались на её прикосновение.

— Знаешь, — протянула она, и в её глазах заплясали озорные искорки, — я, конечно, ожидала, что после ночи с Люцианом ты будешь... скажем так, выглядеть довольной. Но чтобы ты буквально светилась? Наш Владыка превзошел сам себя.

Я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

— Ашара, пожалуйста...

— Да брось ты! — она весело рассмеялась, ничуть не смутившись моей реакцией. — В Доминионе не принято стесняться жизни. Тем более такой... бурной. Ты хоть жива осталась? А то наш дракон иногда забывает, что не все сделаны из чешуи и стали. Судя по тому, как он рычал на меня пять минут назад, ты его окончательно лишила рассудка.

Я отвернулась к зеркалу, стараясь унять дрожь в руках. Её прямота была как ушат холодной воды.

— Он просто... защищает свою собственность, — тихо сказала я, поправляя воротник платья.

— Собственность? — Ашара фыркнула и прислонилась спиной к резной колонне. — Ты так это называешь?

Я промолчала.

А как ещё это назвать?

Я посмотрела на свои ладони.

Серебро пульсировало глубоко внутри, и я чувствовала, как оно откликается на каждое моё движение, на каждый вдох. К этому ещё предстояло привыкнуть.

— Как это работает? — спросила я, надеясь сменить тему. — В Соларии магия Света всегда была... направленной. А это...

Ашара посерьезнела, её веселье на миг отступило.

— Это похоже на равновесие, — сказала она, рассматривая меня с благоговением. — Равновесие между светом и тьмой. Ты настоящее чудо!

— Там... на совете не все так думают? — спросила я.

Ашара вздохнула и жестом пригласила меня выйти из комнаты.

Послышался удивлённый “Ах” со стороны охранников, но я не обернулась. Кожей чувствовала их взгляды. Они не были враждебными — скорее, любопытными и... оценивающими. Так смотрят на породистую кобылицу в конюшне правителя. Я сжимала кулаки, заставляя себя идти с высоко поднятой головой, пока серебро в моих жилах пульсировало в такт шагам.

Мы пошли по широкому коридору, Ашара вела меня медленно, давая нам возможность поговорить.

— Солария стягивает войска к границе. Часть наших Лордов — те, что постарше и потрусливее — считают, что ты не стоишь большой войны. Они видят в тебе только девчонку со светлой кровью, которая случайно забрела в постель к

Владыке.

Очень честно и неприятно.

Именно такой я сама себя сейчас ощущала.

Грязно и бессмысленно.

Если так, то я сама сдамся. И дело с концом.

— А Люциан? — мой голос дрогнул. — Что он собирается им сказать?

— О, думаю, он там сейчас развлекается вовсю, — Ашара криво усмехнулась. — Наверное, парочка советников сегодня лишится своих земель, а кто-то, возможно, и головы.

Я испугалась.

— Идём на совет! Я сдамся!

— Нет! — тут же сказала Ашара. — Селестина, Люциан должен сделать всё сам!

Я нахмурилась.

— Я не хочу, чтобы кто-то из-за меня пострадал.

— Это не из-за тебя, — уверила меня Ашара. — Просто Люциан должен окончательно завоевать свою власть. Дело во внутренней политике. Доминион — это не только его воля. Это сложный механизм. Правит тот, кого уважают. Люциан сам снимет шкуру с тех, кто заикнулся о твоей выдаче Соларии. Нам там делать нечего. Я покажу тебе Нижний Ноктхейм.

Мы подошли к большому балкону, выходящему на внутренний двор, но за ним открывалась панорама, от которой захватывало дух. Нижний Ноктхейм лежал под нами, как пе-

ревернутое звездное небо. Тысячи огней, светящиеся вены дорог, огромные механизмы, качающие магию.

— Там живут тысячи тех, кого мир Света назвал изгоями. Оборотни, которые не хотят убивать, маги, чья сила не вписалась в каноны жрецов, просто люди, искавшие свободы. Для них ты — надежда.

Я смотрела на этот живой, дышащий город, и во мне крепло странное чувство.

— Всего лишь фаворитка, которая прячется за спиной Владыки, — сказала я, и серебро под моей кожей вспыхнуло ярче, отозвавшись на мою боль.

— Разве ради фавориток устраивают войны, Селеста?

Ашара внимательно посмотрела на меня, и в её взгляде больше не было насмешки.

Я перевела тему.

— Как я могу помочь городу?

— Вот теперь ты говоришь как настоящая ведьма Доминиона. Или как Принцесса. Знаешь, Люциан прав в одном — тебе нужно увидеть, за что мы сражаемся. Идем. Спустимся в Квартал Пепла. Там сегодня привезли раненых с границы... Наши лекари не справляются.

— Ты хочешь, чтобы я их исцелила? — я замерла. — Прилюдно?

— Я хочу, чтобы ты вспомнила, кто ты на самом деле, Селестина, — Ашара толкнула тяжелую дверь к лестницам. Но я никогда и не знала этого, чтобы вспомнить!

Хотя ночью в объятиях Люциана мне казалось, что всё как раз на своих местах.

Воспоминания обожгли память, и я закусила губу.

И мы отправились в город...
Ох

как тяжело Селесте принять ситуацию!..

Глава 3. Помолвка

Потайной коридор вывел меня в галерею около моих покоев.

Комната встретила лёгким ароматом розовых лилий.

Я замерла, прислонившись к резной двери, и несколько минут просто дышала, пытаюсь унять дрожь в коленях и тот стыд и возмущение, что пылал на щеках.

Сердце колотилось так, будто тоже хотело сбежать по тайному ходу. Жаль, это невозможно.

Мало помалу я успокоилась — здесь всё было привычно и правильно, белые шторы, аккуратные коробки с украшениями, ваза с лилиями, от которых меня правда вдруг начало мутить...

Потом я вспомнила о плаще. О чёрном, струящемся плаще с серебряной застёжкой в виде головы дракона. Я сняла его, и ткань, холодная и тяжёлая опала на пол, забирая с собой аромат мятежного дыма, древних знаний и дикого тёмного леса...

Я поспешно спрятала чёрный плащ на самое дно сундука с зимними вещами, под горностаевые мантии. Избавлюсь позже, а сейчас главное, чтобы служанки не увидели.

Монету тоже хотела положить туда, но... не знаю, что меня дёрнуло, но я сунула её в кармашек на белье, в котором обычно носили обереги.

Если кто-то обидит вас снова, сожмите её.

Скверна. Я даже не знала, обидели ли меня уже по-настоящему — или это только разминка перед жизнью “идеальной жены”. Ох не то я ожидала от жизни с Габриэлем!..

Я быстро умылась и не вызывая горничных сменила платье на новое — ещё белее, ещё торжественнее, будто надев новое платье, можно было заменить и память. Поверх лёгкая накидка. На лицо — вуаль.

Помощниц я всё-таки вызвала. В конце. Они поправили причёску. Дотянули корсет, как надо. Но до работы того тёмного им конечно далеко!.. Хоть приглашай его в свою свиту! У меня будет самая тонкая талия в королевстве.

Я посмеялась своим мыслям и серёжки в ушах звякнули.

Сегодня на мне было больше драгоценностей, чем за всю предыдущую жизнь: серьги с бриллиантами, тяжёлое ожерелье, тиара. Я смотрела на своё отражение в огромном зеркале — безупречная фарфоровая кукла. Только вот в глазах её ледяной ужас.

О Всевышний!

За что мне это?!

Я никогда в жизни не сомневалась, что хочу стать женой Габриэля! Почему же именно сегодня, в день нашей помолвки, ты прислал мне такие испытания?!

По сравнению с тем тёмным мой Габриэль выглядел ужасно.

Со всех сторон.

Он мямлил, когда тёмный говорил чётко и по делу.

Он стеснялся, прикрывая пах, когда тёмный вошёл в чужую спальню, как к себе домой.

О ужас!

Неужели я сравниваю Габриэля с тёмным!

С чудовищем!

С монстром, в котором, как говорят, нет ни капли светлой энергии!

Хотя капля наверное всё-таки есть, ведь со мной он не сделал ничего плохого, хоть и принял за простую служанку. Даже с платьем помог...

Но в любом случае.

Тёмные ужасны. Это всем известно.

А Габриэль... мой Габриэль просто ошибся!

Служанки проводили меня к главному залу “Сияния”, где в коридоре перед дверью меня уже ждал мой жених.

В парадном мантии, с безупречной причёской и той самой лёгкой, уверенной улыбкой, которую я всегда любила. Увидев меня, его глаза смягчились — в них читались искреннее раскаяние и облегчение. Он протянул руку, и я приняла её. Тогда Габриэль смело повёл меня ко входу в зал.

— Не хочешь спросить, цела ли я? — с обидой спросила я..

— Что? О чём ты?

Он изобразил такой невинный взгляд, что улыбка мигом сползла с моего лица. Пусть. Этого всё равно никто не уви-

дел, ведь я была в шляпке с белой вуалью, полностью закрывавшей и волосы, и лицо.

А скрывать там было что!

Реакция Габриэля возмутила меня до глубины души! Он решил просто замолчать, что произошло? Не обсуждать? Не попытаться во всём разобраться?

Мне впервые в жизни захотелось ударить его. Впервые в жизни захотелось ударить вообще кого бы то ни было!

В этот момент герольд протрубил наши имена и мы вошли в тронный зал.

Море света и оживлённых лиц. Все улыбались. Никто не смотрел на меня с осуждением. Значит, слухи не успели разбежаться. Разумеется, они не разбежались.

Я с облегчением выдохнула, всё-таки немного побаивалась, что тёмные узнали меня и рассказали обо всём отцу. Не представляю, как бы я перед папой объяснялась!

Не смотря на мой внутренний раздрай, в зале лилась музыка, пахло шампанским, цветочными духами и чужими несбывшимися надеждами — Габриэль завидный жених. Мой жених... только мне почему-то больше не радостно от этого.

— Селестина, — тихо произнёс он, будто почувствовав мои эмоции.

Голос у него снова был прежний: мягкий, заботливый, идеальный.

— Прости. Я... потерял голову. Это недостойно. Это

больше не повторится.

Я облегчённо выдохнула.

Вот он — мой привычный Габриэль. Достойный мужчина, заботливый будущий муж, для которого важнее мои чувства, а не низменные желания тела.

Разумеется, я не стану предавать нашу любовь и просить отсрочку помолвке. Наш брак — дело решённое!

— Ты прекрасна, — сказал он. — Моя будущая жена.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Мы обязательно сделаем это, когда ты будешь более подготовлена и когда нам точно никто не помешает, — сказал он с воодушевлением.

Он не видел, как изменилось моё лицо.

Как от него отхлынула кровь.

— Или, — продолжил Габриэль тем же бодрым тоном, словно обсуждал предстоящее меню, — если ты уже взяла себя в руки, мы можем сделать это сегодня. После бала.

Он наклонился ближе, и пониже, почти шепотом, добавил:

— А если совсем не терпится... то и на балу.

Глава 4. Научу

Когда Габриэль сказал то, что сказал, я даже улыбаться не перестала — я же дочь канцлера Соларии, вежливая улыбка это нечто, что в меня впитали с пелёнок, есть на мне вуаль или нет — не важно. Но удержать на лице ощущение благодущия, которое я испытывала секунду назад, стало невозможно.

Габриэль наклонился ближе к моему уху и совсем вогнал меня в недоумение.

— После свадьбы я научу тебя всему! Как брать глубоко в горло, как расслабляться, когда больно, — продолжил он, совершенно не замечая, как я напряглась. — Буду врываться в тебя снова и снова. Везде.

Он сказал это с таким предвкушением, что мне стало не по себе.

Всевышний. Ты издеваешься надо мной?!

“Брать в горло”?! “Расслабляться, когда больно”?!

В любовных романах, которые я читала, таких ужасных подробностей не было! Там героиня растекалась по простыням от удовольствия, а не терпела, пока всё кончится...

Но этого Габриэлю было мало! Он, видимо, вдохновился моим молчанием, думая, что я поддерживаю его, как всегда, и продолжил:

— Потом свяжу верёвками так, чтобы ты не смогла вы-

рваться. Знаешь, какие есть интересные способы, связать тебя? — спросил он.

Нет-нет-нет... да что он говорит такое? Он снова захочет, чтобы я встала на колени? И он ещё много чего неприятного захочет? И даже связать меня?

Его увлечение вязкой узлов вдруг открылось передо мной с другой стороны!

— Ты станешь прекрасной женой, — довольно заключил Габриэль. — Светлая моя Сэл.

Только Габриэль называл меня “Сэл”, и если раньше мне это нравилось, то сегодня я возненавидела это прозвище.

“Прекрасной женой” — эти два слова всё ещё звенели у меня в голове.

И я бы наверное грохнулась в обморок, но в зале стихла музыка, да причем так резко, будто её перерезали золотыми ножницами.

Король Алларик II Астэрн поднялся с трона и зал встал вместе с ним. Лёгкий шелест тканей, звон бокалов, единый вдох. Все приготовились слушать речь короля.

Его Величество был тем типом правителя, которому не нужно повышать голос: тишина сама приходит и садится у его ног. Я почему-то представила тишину женщиной, опускающейся на колени....

— Леди и лорды Соларии, — произнёс он, и слова прозвучали гладко, заскользили, как тряпица по полированному мрамору. — Сегодня наш двор празднует помолвку. Союз,

который должен укрепить не только два глубоко уважаемых дома, но и весь порядок Светлых земель.

“Глубоко брать в горло”...

Я стояла рядом с женихом, застывшая, словно статуэтка из мариэнского стекла. Пресветлая богиня. Я больше не хочу замуж за Габриэля!

Сердце грохотало, как сумасшедшее.

А король продолжал:

— С древних времён Солария держится на трёх столпах: на вере, на законе и на служении. На Источнике, что исцеляет. На короне, что хранит. На крови, что помнит цену мира. Сегодня леди Селестина Люмерис, дочь нашего канцлера, делает шаг ближе к своей судьбе, — сказал король. — И да будет этот шаг благословлён Светом... и разумом.

Слева от меня отец чуть заметно выпрямился, как будто это была его личная победа.

У меня внутри что-то щёлкнуло.

Не нежность. Не радость.

Щелчок замка.

Замка клетки, в которую я скоро попаду.

И никто уже не спасёт от тех унижительных вещей, которые ещё для меня подготовил мой благочестивый, безупречный до недавнего времени Габриэль.

Ни один тёмный не войдёт в нашу супружескую спальню и не остановит мужа от того, чтобы он взял свою жену, как того пожелает... даже если и связанной, и наученной, как

“расслабляться, когда больно”...

— А сир Габриэль Эверлин, достойный сын Соларии и опора Ордена Белого Пламени, — продолжил Его Величество, — берёт на себя честь и ответственность вести её. Как подобает мужчине Светлой Державы.

Я почувствовала, как рука Габриэля сжалась на моих пальцах, словно удавка на горле.

Король поднял бокал.

— За чистоту намерений.

Да уж. Очень чистые у Габриэля были намерения, когда он снимал штаны перед моим лицом!

— За союз, который будет светлым — не по словам, а по делам.

Бокалы поднялись над залом.

— За Соларию, — сказал король.

— За Соларию! — ответил зал.

Блеснули улыбки. Зазвенели бокалы. Аплодисменты прокатились красиво и ровно.

И всё бы закончилось на этом, если бы не... ритуал.

Я должна произнести слова клятвы!..

Отец чуть ближе наклонился к моему уху и почти беззвучно проговорил первые слова — как когда-то, в детстве, диктовал мне молитвы перед Синодом.

— “Светом Источника...” — подсказал он.

Я подняла голову. Вуаль мягко задела щёки. Зал смотрел на меня.

Король — тоже.

Я почувствовала, как сердце делает лишний удар.

Габриэль больно сжал мои пальцы.

Глава 5. Клятва

— Селестина, говори слова клятвы! — зашипел на меня отец. — “Светом источника”.

Я сглотнула комок в горле.

Долг. Послушание. Жизнь во имя других.

С детства мне в душу вкладывали эти заповеди Пресветлой.

Я росла на историях о мучениках, отдавших жизни, чтобы удержать границу Тьмы; о целительницах, истощивших себя до последней капли света, чтобы спасти деревню от скверны.

Моя мать, леди Элиана, была живой иконой — её кротость, её бесконечное, всепрощающее милосердие считались эталоном.

Я должна была учиться у неё. Я же всегда желала быть как она!

Так почему сейчас хотелось заорать во всё горло?!

Я верила в Свет. В живое, тёплое начало, которое я чувствовала в каждой клеточке своего тела, особенно когда исцеляла пациентов.

Быть честной, доброй, жертвенной — это не было для меня тяжкой повинностью. Это было естественно. Как дышать.

Мои личные желания? Они всегда были на втором, на третьем месте.

“Интересы одной девушки, даже самой одарённой, ничего

не значат перед лицом благополучия тысяч людей”, — говорил отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.